

ПОСЕЛЕНИЕ КАМЕННАЯ РЕЧКА III НА РЕКЕ УЙ (проблемы культурной атрибуции памятников поздней бронзы)

А. В. Епимахов, М. Г. Епимахова

The article is devoted to the excavation results with respect to the Bronze Age settlement of Kamennaya Rechka III from the territory of the South Lower Urals basin. This period is relatively poorly provided with materials of permanent studies, despite mass character of settlements identified by exploration. The site described in this paper represents a rare example of an object located in the zone of the steppe and forest-steppe boundary. The Uj-Uvel area is a territory of dense grouping of about ten major Fyodorovo burial grounds under total non-availability of monocultural settlements.

Identification of its position in the system of relative chronology (a period of the Late Bronze Age, according to the East European scale) raises no doubt, due to total non-availability of the Petrovka and Sargarinsky features in the metal and pottery. However, a distinctive colouring is added by practically total non-availability of «classical» Alakul features in the settlement pottery complex associated with certain types of ornaments typical of this culture. In this respect, a question of cultural attribution of the site, in which the Fyodorovo pottery group being also represented quite modestly, remains controversial. The Late Alakul interpretation of the settlement materials appears to be most fair.

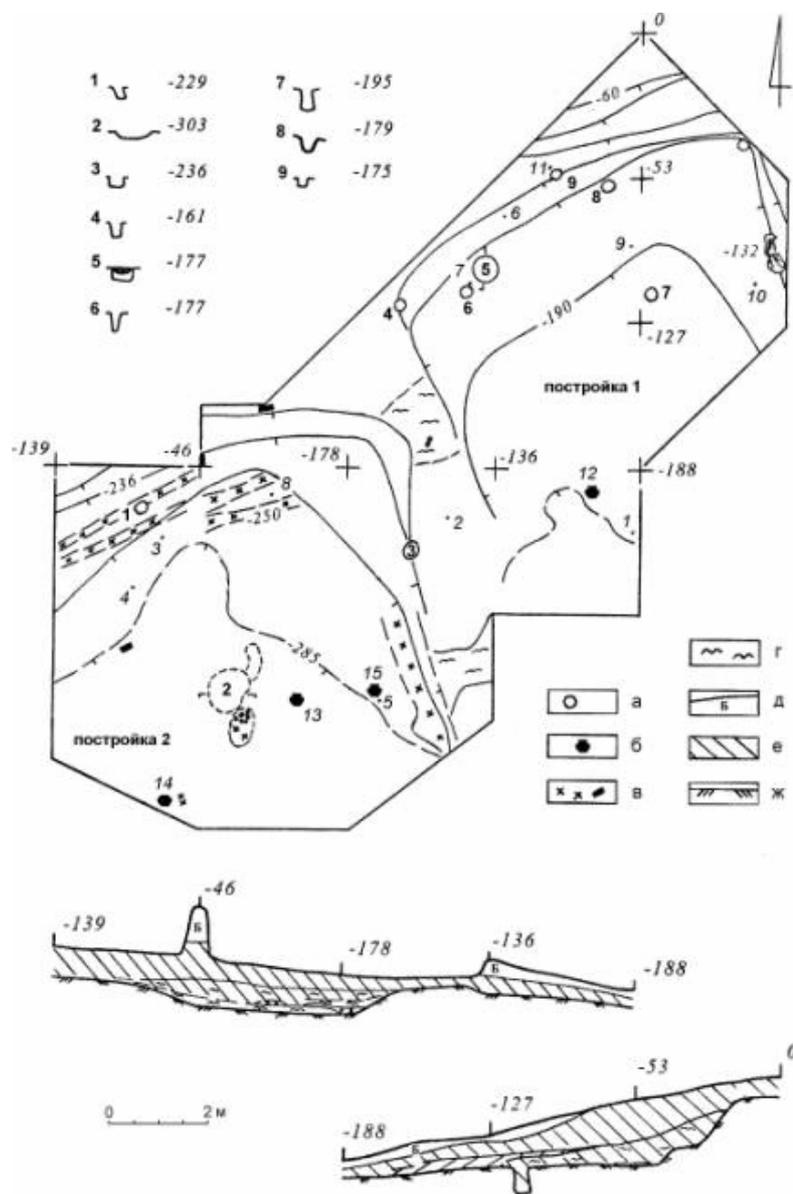
Последние десятилетия ознаменовались многочисленными раскопками памятников средней бронзы Южного Зауралья. На этом фоне успехи в изучении поздней фазы бронзового века выглядят значительно скромнее. Диспропорция особенно заметна при рассмотрении материалов поселений. Если для зоны лесостепи памятники этого периода известны, то степная зона исследовалась в основном разведками[1]. Между тем количество поселений поздней бронзы, расположенных вдоль речных русел, судя по результатам дистанционного и полевого обследования, огромно. На отдельных участках их плотность достигает 8–9 на десять километров (например: [Батанина, Иванова, 1995]). Практика показывает, что культурная атрибуция разведочных материалов может существенным образом изменяться по результатам раскопок. В этой связи публикация любых памятников, исследованных стационарно, имеет право на существование. Значимость памятника увеличивается благодаря еще одному обстоятельству — Уйско-Увельский район на сегодня является крупнейшим по числу могильников (в некоторых случаях более 100 насыпей) федоровской культуры при мизерном числе поселений, ни одно из которых стационарно не изучалось.

Поселение Каменная Речка III выявлено в ходе строительства мостового перехода через р. Уй в Троицком районе Челябинской области в 1,2–1,5 км к западо-северо-западу от с. Каменная Речка. В соответствии с современным ландшафтным зонированием эта территория является граничной для северной степи и южной лесостепи. К началу раскопок значительная часть (не менее 2500 м²) культурного слоя была уничтожена, остальная повреждена. Стационарно исследован участок (около 130 м²), прилегающий с запада к полотну дороги. Место для раскопа выбрано с учетом того, что с севера эта часть поселения разрушалась грунтовой дорогой, с востока к памятнику вплотную примыкала насыпь моста, с юга раскоп ограничивался обрывом, образовавшимся в результате снятия гумусного слоя землеройной техникой и последующего размывания паводковыми водами. Сохранившаяся площадка поселения также пострадала от траков и ножа бульдозера.

Первоначальный рельеф практически не сохранился, судить о нем пришлось по геодезической съемке. Памятник локализуется на первой надпойменной террасе левого берега реки, на площадке высотой 5–7 м, имеющей естественный склон. Центр поселения уничтожен мостом. Жилищные впадины, судя по всему, на поверхности не фиксировались. Культурный слой сохранился фрагментарно и хорошо фиксировался в обрывах. Перепад высот поверхности раскопа 2,38 м.

Основу культурного слоя памятника составляют залегающие под слоем стерильного супесчаного балласта (мощностью до 70 см) серо-коричневая и светло-коричневая супеси, углистые прослойки, зольники. Материк представлен ярко-желтым песком. В раскопе были выявлены и исследованы фрагменты двух строений.

Постройка 1 зафиксирована не полностью, так как восточная часть котлована уничтожена насыпью моста, южная — упомянутым выше обрывом. Жилище имело, вероятно, прямоугольную форму со скругленными углами. На глубине -175 его ширина составила в сохранившейся части 7,5 м. Ось жилища ориентирована перпендикулярно руслу по линии северо-запад — юго-восток (рис. 1).

Рис. 1. Поселение Каменная Речка III. План и профили:
 1 — нож (-225); 2, 8 — окончания браслетов (-185, -265); 3, 6 — скрепы (-189, -40);
 4 — наконечник (-255); 5 — пест (-275); 7, 9 — сплески (-139, -188); 10 — игла (-157);
 11 — пронизь (-116); 12–15 — развалы сосудов (-215, -303, -300, -285);
 а — углубление; б — развал сосуда; в — уголь; г — зола; д — балластный слой; е — гумус;
 ж — материк

Северная торцевая стена жилища углублена в материк на 1,4 м. По мере приближения к южной стенке заглубленность котлована в материк уменьшается. Очевидно, была сделана попытка сnivelировать естественный склон площадки. Нивелировка пола жилища продолжалась и после его сооружения в процессе вытаптывания, которое шло с разной интенсивностью: менее вытопан высокий северо-восточный угол котлована, сильнее — более низкий центр жилища. В заполнении постройки под слоем балласта залегал слой серо-коричневой супеси мощностью от 20 до 90 см. Ниже залегает от 15 до 60 см светло-коричневой золистой супеси. На самом дне строения встречалась тонкая углистая прослойка.

В жилище выявлены шесть столбовых ямок. Ямки приурочены к углам и середине северо-восточной стенки котлована. Диаметр колеблется от 20 до 37 см, глубина в материке 30–40 см. Одна из ям, возможно, продолжала линию центральных столбов. Кроме того, близ западного угла зафиксировано округлое углубление, перекрытое гумусно-углистой прослойкой; точная интерпретация затруднена. Принадлежность углубления к столбовой конструкции сомнительна (диаметр 55 см, глубина от уровня материка 30–35 см). У восточной стены жилища на уровне -132 расчищен небольшой жертвенник, состоящий из необработанного камня и нижней челюсти лошади.

Вещественные находки (фрагменты керамики, кости животных, кусочки слюды) происходили в основном из слоя светло-коричневой золистой супеси. Наибольшая концентрация находок — возле стен и по углам жилищ. Здесь же были найдены фрагмент бронзовой скрепки, два бронзовых сплеса, бронзовая пронизь, целое и фрагменты еще четырех керамических пряслиц, бронзовая игла с ушком. В 2–2,5 м от западной стены были обнаружены развал сосуда и бронзовый нож.

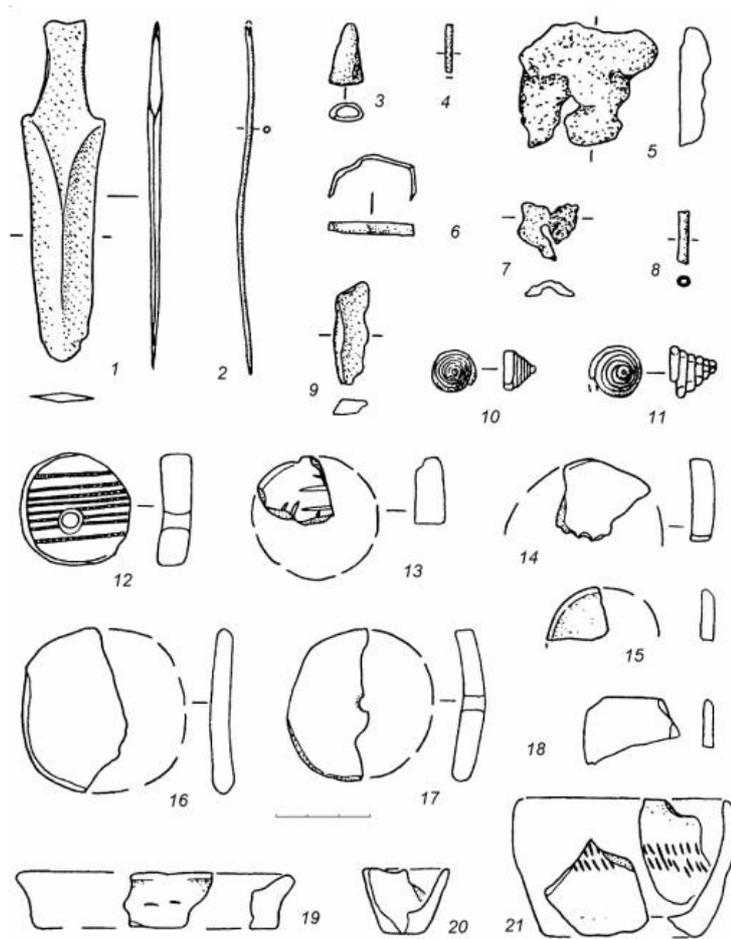
Постройка 2 расположена в 1–2 м западнее первой. Между ними двумя пятнами на материке залегают белесые зольники. В одном из них на глубине -180 расчищена челюсть мелкого рогатого скота. Южнее найден фрагмент спиралевидного окончания браслета. Жилище 2 ориентировано по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток, по форме повторяет жилище 1 — прямоугольное со скругленными углами. О его площади говорить затруднительно, так как его южная часть уничтожена обрывом.

Северная торцевая стена и северо-восточный угол жилища зафиксированы на уровне -190. На этом уровне в заполнении жилища и за его пределами были зафиксированы небольшие фрагменты углей. В этом месте котлован углублен в материк на 90–105 см. По направлению к южной части жилища врезка в материк уменьшается. С уровня -190 котлован довольно круто опускался до отметки -236, а потом — более полого до дна на уровне -275. Для заполнения данного жилища характерны серо-коричневая супесь (мощность 50–100 см), ниже — светло-коричневая золистая супесь (10–75 см), еще ниже — чередование золистых и углистых прослоек. Углистые полосы удалось зачистить на уровнях -230, -240, -250. Они ориентировались по линии юго-запад — северо-восток, вдоль торцевой северной стенки котлована. Еще одна углистая полоса зафиксирована на уровне -275 вдоль длинной восточной стены.

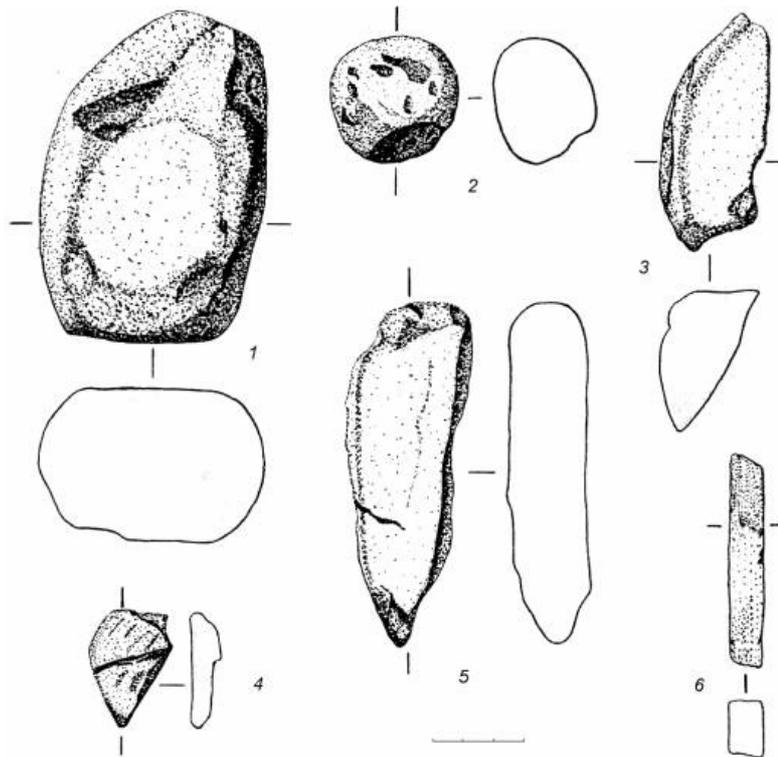
В центральной части на дне жилища было зачищено овальное пятно (90×75 см) прокаленного материка розового и красного оттенков мощностью до 15 см, которое было интерпретировано нами как открытый очаг. Полоса менее интенсивного прокала ответвлялась с его северо-восточной стороны. Южнее очага на этом же уровне было обнаружено скопление углей. Восточнее очага расчищен развал сосуда (№ 2), в 1,5 м к востоку от него — скопление керамики (№ 4). Юго-западнее очага — еще один развал (№ 3), который сопровождался кусочками угля. Территория, прилегающая к очагу, вытоптана. В этом жилище удалось выявить только две столбовые ямки, что, возможно, обусловлено характером материка. Большинство находок (керамика, кости) располагались вдоль стенок котлована, как внутри жилища, так и «на улице». Из индивидуальных находок можно отметить бронзовую скрепку, наконечник стрелы (?), спиралевидное окончание браслета и каменный пест.

Порядок возведения жилищ по стратиграфическим данным не устанавливается, хотя судя по разнице в уровне пола котлованы были выкопаны не одновременно. Однако идентичность каркасно-столбовой конструкции, наличие ступени вдоль задней стенки, сходство ориентировки и близость облика вещевых материалов позволяют утверждать, что строения археологически одновременны. Детализировать реконструкцию жилищ невозможно из-за лакуарности картины, но скорее всего жилища имели поперечные деревянные перекрытия (выявлены в жилище 2). Интерпретация многочисленных следов горения конструкции вызывает серьезные затруднения, поскольку на исследованном участке иных следов гибели поселения в ходе пожара или военной катастрофы не обнаружено.

Компактность коллекции, относящейся скорее всего к единому хронологическому горизонту, позволяет составить о ней полное представление. Основой являются фрагменты посуды, число которых более 1400. Прочий инвентарь представлен коллекцией из одного целого и пяти фрагментов пряслиц, которые происходят исключительно из жилища 1 и найдены в районе северной торцевой стены (рис. 2, 12–17). Все пряслица изготовлены из стенок сосудов. Достаточно богато, учитывая небольшую площадь, представлены находки металла. Небольшой бронзовый двулезвийный нож-кинжал имеет слабовыраженное ребро, короткий плоский прямоугольный черешок, выраженный упор при переходе от рукояти к клинку. Судя по всему, длина (около 8 см) обусловлена его сработанностью (рис. 2, 1). Не менее характерным предметом инвентаря являются спиралевидные окончания бронзовых браслетов (рис. 2, 10, 11). Одно выполнено из металлической полосы, навитой спирально и прокованной, второе — из круглого в сечении дрота, подвергшегося после навива минимальной доработке. Остальные находки металла не имеют узких датировок: длинная округлого сечения игла с ушком (рис. 2, 2); бронзовые скрепки (рис. 2, 4, 6); пронизь, свернутая из тонкой бронзовой фольги (рис. 2, 8). Особый интерес представляют находки двух сплесков металла (рис. 2, 5, 7), являющиеся свидетельством навыков металлообработки у жителей поселения. Некоторые затруднения вызывает интерпретация металлического конуса (рис. 2, 3), о котором можно предположить, что это наконечник стрелы (?). Каменный инвентарь не многочисленен (рис. 3). Наиболее выразителен пест-курант с уплощенной гладкой рабочей площадкой. Фрагмент песта был найден отдельно от основной части. Кроме того, обнаружено несколько абразивов.

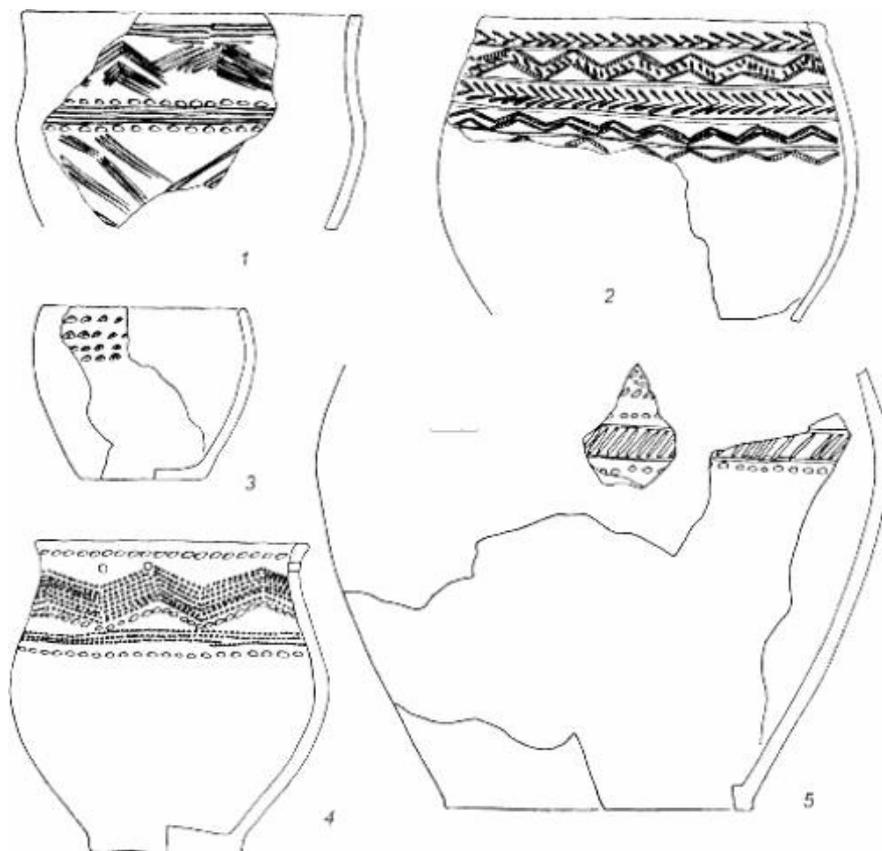

Рис. 2. Поселение Каменная Речка III. Инвентарь:
 1, 2, 4, 5, 7-9, 12-20 — постройка 1; 3, 6, 10, 21 — постройка 2; 11 — межжилищное пространство
 (1-11 — бронза; 12-17, 19-21 — керамика; 18 — кость)

Рис. 3. Поселение Каменная Речка III. Изделия из камня:
 1-4, 6 — постройка 2; 5 — подъемные материалы

В коллекции посуды, в которой есть и археологически целые сосуды (рис. 2, 19–21; 4, 1–3, 5; 5, 12), выделяются горшечные и баночные формы. Из группы горшечных форм выделяются сосуды больших размеров с диаметром по венчику 20 см и более (рис. 5, 2, 3; 6, 19, 20). Это ярко выраженная бытовая посуда (часто — со следами ремонта) с прямой слабо отогнутой шейкой, с округлым или слегка уплощенным венчиком, раздутым туловом. Изготовлена она из глиняного теста с обильными крупными фракциями слюды, талька, реже — дресвы, песка, а также органическими добавками, выгоревшими при обжиге. Поверхность сосудов плохо обработана, часто лишь слегка заглажена. Орнаментация в большинстве случаев небрежная. Из орнаментальных мотивов присутствуют округлые, овальные, каплеобразные вдавления, нанесенные гладкой палочкой; широкие желобки, выполненные грубым гладким штампом, иногда — щепой (такие желобки иногда начинаются от самого венчика, в результате на нем образуется наплыв); небрежный многорядный зигзаг, переходящий в вертикальную елочку. Очень редко в этой группе сосудов встречается «ложный уступ». В нашем случае уступ зачастую является не технологической деталью, обусловленной способом формовки сосуда, а результатом его орнаментации, когда нанесение какого-либо мотива (желобка, вдавлений и др.) приводит к образованию на горшке легкого уступа (рис. 5, 1).

Рис. 4. Поселение Каменная Речка III. Постройка 2:
1 — фрагмент керамики; 2–5 — сосуды № 3, 4, 2, 5

Чаще использование этого приема отмечено в группе горшков средних размеров (диаметр по венчику 17–20 см) (рис. 5, 14; 6, 10, 17, 21). Среди них выделяется «парадная» посуда из хорошо отмученного теста с очень мелкими фракциями слюды и талька, тонкостенная, с плотным равномерно обожженным светло-коричневым черепком. Внутренняя и внешняя поверхности сосудов заглажены щепой, снаружи — тщательно залощены. Изящная орнаментация — сложный меандр в сочетании с заштрихованными косыми и равнобедренными треугольниками — нанесена мелкозубчатым штампом (рис. 5, 10; 6, 7).

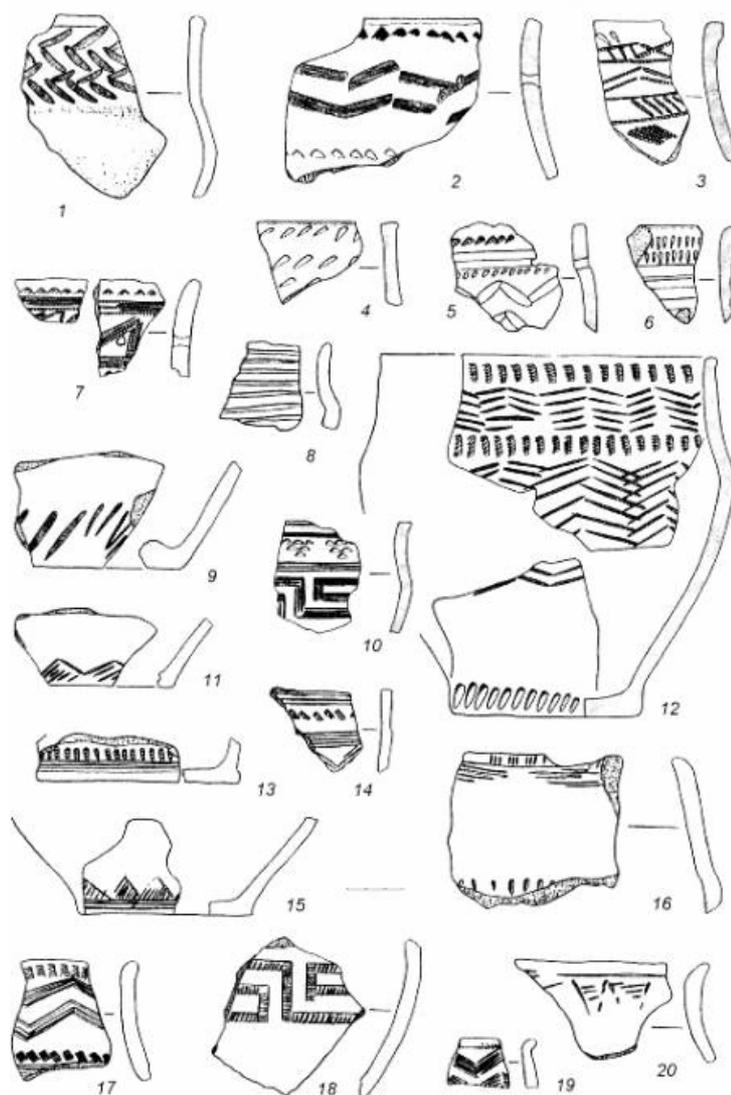

Рис. 5. Поселение Каменная Речка III. Постройка 1. Фрагменты керамики

Имеется в группе горшков средних размеров и бытовая посуда. Эти сосуды — наиболее часто встречающиеся в коллекции. Они, в отличие от «парадной» посуды, сформованы из более грубого теста, хотя и с мелкими фракциями примесей. Поверхности заглажены, но залощены редко. Встречаются сосуды толстостенные (до 0,8 см) и толстодонные (до 2 см), иногда — со следами ремонта. Венчики у сосудов этой группы уплощенные или приостренные и срезанные внутрь, с орнаментированной внутренней стороной и насечками гребенчатым и гладким штампом по верхнему срезу. В результате подчеркивания желобком, поясом каннелюр или другим орнаментом на венчике образуется наплыв (рис. 4, 1; 5, 5).

В числе орнаментальных мотивов зафиксирована крупная вертикальная елочка, нанесенная толстой гладкой палочкой; повторяющийся через определенный интервал зигзаг, выполненный в технике протасенной гребенки; глубокие вдавления гладкой или острой палочкой; косая сетка, нанесенная гладким штампом; различные треугольники, выполненные и гладким, и гребенчатым штампом. В единичных случаях были отмечены налепной валик и украшающая шейку сосуда гребенчатая «уточка» (рис. 4, 2; 5, 12; 6, 2, 6).

Баночные формы на поселении Каменная Речка III также отличаются большим разнообразием. Банки больших размеров (диаметр по венчику 25 см и более) сформованы из плохо отмученного теста с примесями грубого помола (встречаются особенно крупные включения слюды, реже — талька), со следами выгоревших добавок органики, отчего поверхность керамики покрыта выщерблинами и выглядит необработанной. Венчики у этих сосудов округлые, а также уплощенные со скосом внутрь или наружу. Стенки и доньшки толстые (0,8–0,9 и 1,5–2,2 см соответственно).

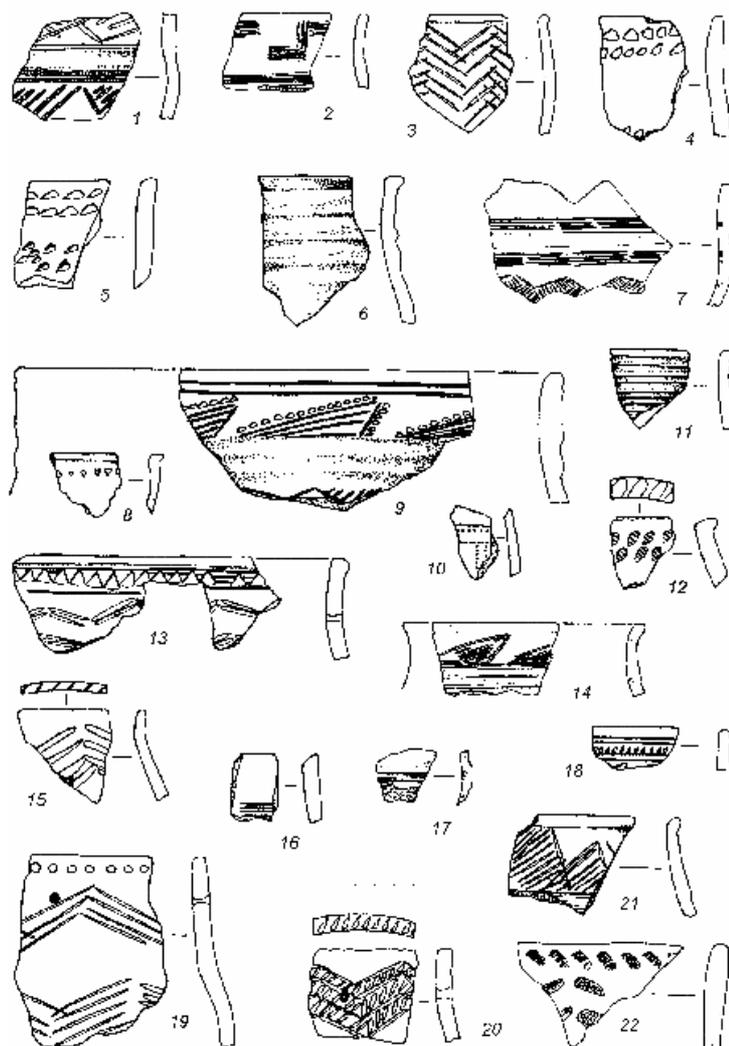

Рис. 6. Поселение Каменная Речка III. Постройка 2. Фрагменты керамики

Большие банки либо не орнаментированы, либо орнаментированы в зоне венчика или по венчику и в придонной части. Чаще всего банки украшены широкими желобками, выполненными гладким штампом больших размеров. Встречается и крупногребенчатый штамп, используемый при нанесении косых штрихованных треугольников (часто по верхней стороне они дополняются треугольными вдавлениями гребенчатого штампа), висячих заштрихованных равнобедренных треугольников, горизонтальных линий (рис. 4, 4; 5, 16; 6, 9, 12).

Банки средних размеров (диаметр по венчику 12–25 см) также имеют черты бытовой посуды: небрежная формовка, примеси более мелкого помола, отсутствие или бедная орнаментация округлыми вдавлениями, рядами оттисков угла гребенчатого штампа (см. рис. 4, 3).

Выделяется совсем небольшая группа банок маленьких размеров. Сюда отнесен фрагмент ошлакованного сосуда, интерпретированного как тигель, с плоско срезанным венчиком толщиной 1,3 см, ярко-оранжевого в разломе, ближе к внутренней стороне — красно-коричневого; сохранившаяся высота стенки — 3,6 см. Серия очень скромных по размерам сосудов интерпретирована как технологическая посуда. Например, фрагмент маленького сосудика высотой 2 см диаметром по округлому венчику 2,7 см имеет открытое устье, сравнительно толстые стенки и толстое дно (см. рис. 2, 20). В тесто добавлены мелкие фракции слюды, поверхность светло-коричневого цвета имеет минимальные следы обработки, не орнаментирован. К этому же числу относится низкая, плоскодонная банка (высота 1,8 см) диаметром 8,5 см по округлому отогнутому наружу венчику (см. рис. 2, 19). Поверхность с минимальными следами заглаживания и ногтевых защипов имеет светло-коричневый цвет.

Комплекс хорошо вписывается в хронологические рамки поздней бронзы Южного Зауралья благодаря находкам датирующих металлических вещей: ножа и окончаний браслетов. Эти предметы имеют широкий круг аналогий в материалах раскопок уральских памятников и сопредельных территорий. По металлу поселение может быть отнесено к XIV–XIII вв. до н. э. в рамках «длинной»

хронологии. Подтверждением такого заключения может служить полное отсутствие характерной валиковой посуды, относимой к саргаринским древностям.

Значительно труднее культурная атрибуция комплекса. Диагностирующей категорией находок здесь может быть только керамика, а она демонстрирует довольно большое разнообразие форм. Браслеты со спиралевидными окончаниями широко использовались в погребальной обрядности алакульского населения, тем не менее, судя по облику посуды, памятник не может быть отнесен к классическим алакульским. Прежде всего, крайне немногочисленны находки керамики с уступом при переходе от шейки к тулову, к тому же в данном случае мы имеем дело скорее с орнаментальной традицией, чем с технологической. Практически отсутствует характерное для западной группы алакульской посуды зонирование орнамента, когда под венчиком оставалась свободная полоса [Рудковский, 1989, с. 57]. С точки зрения техники нанесения орнамента необходимо отметить, что примерно равными долями представлено использование гребенчатого штампа и прочерчивания, около четверти посуды украшено вдавлениями, гладкий штамп применялся крайне редко.

Скромным количеством фрагментов представлены и типичные федоровские сосуды с плавной профилировкой, «ковровой» орнаментацией и полным набором признаков, характеризующих данную культуру. Справедливости ради надо признать, что данная ситуация является скорее правилом, чем исключением. Правда, довольно солидную часть комплекса составляет керамика, орнаментированная горизонтальными, параллельными линиями, которая не редкость в федоровских коллекциях. Основная масса керамики может быть определена как бишкульская, которая рядом авторов считается поселенческой федоровской [Зданович, 1988, с. 112–114].

Следует отметить, что представление большинства исследователей об облике «типичной» федоровской керамики составлено по материалам раскопок погребальных памятников [2]. Правда, даже погребальная посуда этой культуры в Зауралье сильно отличается от сформировавшегося образа. По нашим наблюдениям, сделанным в ходе раскопок в причелябинском и уйско-увельском районах, а также при просмотре результатов предшествующих исследований [Сальников, 1967, с. 255–257; Кузьмина, 1975, с. 224 и др.] установлено, что «типично» федоровские сосуды зачастую составляют от 20 до 50 % для конкретных погребальных памятников.

В целом культурная атрибуция поселений поздней бронзы традиционно вызывает серьезные затруднения, поскольку в этом случае велика роль субъективного фактора при отборе диагностирующих черт. Вариативность керамики поселений значительно выше в сравнении с погребальной, поэтому типология посуды конкретных культур, как правило, базируется именно на результатах раскопок некрополей. В лесостепной зоне картина еще более мозаичная, в пределах одной коллекции часто выделяются 3–4 культурных компонента, зачастую стратиграфически нерасчленимые [Корякова и др., 1994, с. 48]. В предварительном плане можно сказать, что многокомпонентность коллекций поселений нарастает с юга на север, при этом наблюдается нарастание числа федоровских черт в облике керамических коллекций. Симптоматично, что немногочисленные «чистые» федоровские поселения — Дуванское XVII [Корочкова, Стефанов, 1983; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 51–68], Черемуховый Куст [Зах, 1995] — расположены в зоне северной лесостепи.

В нашем случае лишь методом исключения (ввиду отсутствия острорезерных и воротничковых форм, с одной стороны, и валиковых — с другой) можно предложить алакульско-федоровскую атрибуцию с возможным уточнением как амангельдинской [Матвеев, 1998, с. 329]. Однако полной ясности нет и при таком подходе, поскольку основные черты керамики данной фазы (сочетание плавно профилированных сосудов со слабо выраженными уступчатыми формами, преобладание гребенчатого штампа, «косые» треугольники и усложненные меандры в орнаментации) реализованы более чем скромно. Вновь мы вынуждены апеллировать к небесспорному тезису о значительном расхождении погребальной и поселенческой керамики. Придерживаясь мнения о позднем характере федоровских древностей относительно алакульских для территории Зауралья, мы считаем, что Каменная Речка III являет собой пример позднеалакульского поселения.

ЛИТЕРАТУРА

Батанина И. М., Иванова Н. О. Археологическая карта заповедника Аркаим // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 159–195.

Зах В. А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Урал. ун-т, 1988. 184 с.

Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башк. ун-та, 1983. С. 143–151.

Корякова Л. Н., Чемякин Ю. П., Ганьжина Н. А. Информационно-поисковая система «Архив археологических памятников». Препринт. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 70 с.

Кузьмина Е. Е. О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника) // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975. С. 220–230.

Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.

Нелин Д. В. Поселение эпохи бронзы Шибаетово-I: результаты исследования (предварительная публикация) // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск: ИЕИ, ИС УрО РАН, 2000. С. 120–125.

Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Рудковский И. В. Типы зонирования в андроновском орнаменте // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во Кар. ун-та, 1989. С. 47–55.

Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Стефанов В. И. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск: ТО «Каменный пояс», 1996. С. 43–63.

Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.

Чемякин Ю. П. Поселение эпохи бронзы Мирный IV // ИИС. Вып. 15. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. С. 50–55.

Челябинск, Южно-Уральский государственный университет,

Природно-ландшафтный и историко-археологический центр «Аркаим»

---

[1] В целом осуществляемый нередко перенос диагностирующих признаков погребальной посуды на поселенческие коллекции методически небезупречен. Видимо, более обоснованным, хотя несомненно значительно более трудным было бы сопоставление поселенческих комплексов между собой. К сожалению, зачастую невозможно осуществить корректное сравнение даже опубликованных памятников.

[2] Исключения немногочисленны — это исследованные в ходе хозяйственных работ поселения, материалы которых большей частью еще ждут полной обработки и публикации. В последнее время эта лакуна стала заполняться [Зах, 1995; Нелин, 2000; Корочкова, Стефанов, 1983; Стефанов, 1996; Чемякин, 1974], однако процесс только начат и до полноценного введения в научный оборот источниковой базы еще очень далеко [Стефанов, Корочкова, 2000]. Из числа упомянутых публикаций лишь некоторые относятся к степному Зауралью.